

К ВОПРОСУ О ВЫРАЖЕНИИ ПЕРСНИФИКАЦИИ В АКТАТНОЙ СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.14103724>

Мамадалиев Ахмадали

*Доцент Андиганский государственный институт
иностранных языков*

О таком факте языка, как перенос названия одушевлённых предметов на неодушевлённые, одних одушевлённых на другие одушевлённые писали ещё древние риторик. О нём говорят психолнгвисты, структуралисты, грамматисты. На современном этапе развития языкознания этому явлению уделяется большое внимание в стилистике. К нему проявляли внимание литературоведы.

Древние риторик (52.219) с присущей им тонкостью подхода отмечали такое явление языка, как замена неантропонима антропонимом, что в современном языкознании называется персонификацией, персонализацией, олицетворением, прозопопеей (14,286), а также анимизмом (122,234-236)⁵¹, трактуется как «троп, состоящий в том, что неодушевлённым предметам приписываются свойства и признаки одушевлённых, такие как дар речи, способность вступать в отношения свойственные человеческому обществу и т.п.» (14,286). Персонификация рассматривалась древними риториками в составе метафоры⁵². Метафорическими, как известно, они считали «такие слова, которые ввиду сходства переносятся с одного предмета на другой или ради живости речи, или ввиду отсутствия в языке соответствующего понятия слова (104,218). Метафора определялась тремя условиями: 1) переносом названий с одного предмета на другой; 2) сходством этих предметов; 3) производимым эстетическим эффектом. Приблизительно те же элементы процесса метафоризации выделяют и современные лингвисты⁵³. Однако при достаточно хорошей изученности третьего элемента в литературоведении и стилистике и существовании приблизительно одинакового мнения среди лингвистов относительно этого вопроса, первый и второй элементы остаются

⁵¹ Персонификация понимается нами вслед за О.С.Ахмановой (14, 286), как полнозначный синоним терминов олицетворение, персонализация и прозопопея. Термин анимизм понимается нами иначе (см. об этом с. 151).

⁵² В современной лингвистике персонификацию продолжают изучать в составе метафоры и рассматривают как одну из её основных частей (55,17; 66,207; 74,204; 114,22; 109,139 и др.).

⁵³ В частности, Ст. Ульмани отмечает: «Toute métaphore comportera donc trois éléments: l'idée à nommer. Celle qui lui donne son nom, enfin le fait de ressemblance qui permet le rapprochement » (131, 278).

спорными и малоизученными, что, в свою очередь, отражается на определении самого явления персонификации и её основы, а также персонифицирующихся предметах (в широком смысле слова). Что касается определения персонифицирующихся предметов, здесь также мнение лингвистов расходятся: 1) отмечается персонификация неодушевлённых предметов (80; 14,286); 2) подчеркивается персонификация неодушевлённых предметов и абстрактных понятий (66,207; 55,17; 7,158; 73,135) и 3) утверждается, что персонификации подвергаются неодушевленные предметы, животные и растительные организмы (74,204), а также животные, неодушевленные предметы, абстрактные и символические понятия (60,64).

Относительно основы персонификации споры наблюдаются среди сторонников психолингвистического подхода к языку. Одни лингвисты считают персонификацию проявлением «извечного несовершенства человеческого разума», что «с самого начала развития речи приводило и приводит к созданию таких метафор, как *le soleil se lève*, *Le vent souffle* и т.п.», или выдумкой «поэтов, этих взрослых детей» (15, 121-122), признавая тем самым произвольность персонификации. Другие лингвисты того же подхода видят персонификацию в особом процессе абстракции⁵⁴, утверждая тем самым её непроизвольность. Последней точки зрения придерживаются большинство современных лингвистов семантического (43; 54; 36; 84-86; 131,278) и грамматического (101,48) подходов, подчеркивающих наличие сходств (у древних риториков), или общего семантического элемента (58,78), или общей семы (54,11; 101,48) между разнородными предметами при переносе их названий друг на друга.

Представители разных направлений как в зарубежной (112), так и советской лингвистики (12; 49; 99; 101; 42) обратили внимание и на четвёртый элемент метафоры, на синтаксическую конструкцию, в которую она входит. Хотя в этом плане метафора различается от языка к языку, общим для неё во всех языках можно считать то, что «она создаётся в контексте, который может быть разной величины: несколько предложений, словосочетание и даже сложное слово» (101,48) (что требует глубокого изучения в пределах отдельных языков). Во французском языке отмечается метафора

⁵⁴ В частности, по этому поводу Х. Конрад пишет: «Ce qui est bien plus vraisemblable, c'est qu'en tous les cas, il s'agit d'un procédé particulier d'abstraction par lequel nous sommes capables de voir une action dans son état le plus abstrait et le plus général aussitôt qu'une autre action semblable se présente, et de la dégager de ce qui, dans son concept, ne constituait sous ce nouveau point de vue, que des éléments secondaires. Ainsi, nous sommes capables de ne voir le concept de l'action que sous l'aspect d'un acte pur, d'en dégager les éléments qui modifiaient l'action de sorte qu'elle se rapporte uniquement aux êtres animés» (119, 155).

существительных, глаголов и прилагательных (119), но синтаксическое конструкции, в которых она может осуществляться, достаточно полно не изучены.

Представляется необходимым обратить внимание и на способы обнаружения персонификации в потоке речи (персонификация проявляется только в речи), отличие её от номинативной метафоры, анимализации (animal «животное») и одушевления.

Этот вопрос также является спорным, и высказываются сомнения в нахождении надежного критерия при определении персонификации (114,22). Так, если в немецком языке основным показателем персонификаций считаются личные местоимения (ich, du, wir, ihr, sie) (39,137-149), то во французском доказывается несостоятельность определения персонификации через местоимение (личные, вопросительные, ударные – неударные, неопределенные), так как они оказываются недостаточным для её выявления. Особенно сложно определить персонификацию фаунонимов, занимающих во французском языке промежуточное положение между антропонимами и неодушевленными предметами (114,17; 18,122; 126,104; 125,29; 19,22), примыкающих то к одному, то к другому подклассу и обладающих большинством формальных показателей обоих подклассов, что, естественно, затрудняет различение персонифицированных случаев от не персонифицированных.

Эпизодический характер изучения персонификации объясняется и тем, что, по мнению представителей психолингвистического подхода, это явление не заслуживает специального изучения, так как в основе его лежит «заимствование действий», носителем которых человек не является (109,137). Однако, как показывает знакомства с исследованиями по метафоре, и последнее явление языка также всесторонне не изучено, о чём свидетельствует, в частности, отсутствие в учебной литературе даже указания на такие факты языка, как перенос названий неодушевленных предметов на одушевленные, названий животных – на неодушевленные и т.п.

Итак, проблема персонификации требует решения таких вопросов, как: является ли персонификацией одушевление, одушевление и очеловечивание или очеловечивание; какие предметы подвергаются персонификации – неодушевленные предметы, неодушевленные предметы и абстрактные понятия, неодушевленные предметы, животные и растительные организмы или неодушевленные предметы, абстрактные организмы или неодушевленные предметы, абстрактные организмы или неодушевленные

предметы, абстрактные понятие и животные (т.е. не антропонимы); что порождает персонификацию-несовершенство человеческого разума, выдумка, абстракция или сходства между антропонимом и персонифицирующимся не антропонимом, выражаемые в языковом плане общей семой; как она выявляется в потоке речи; в каких синтаксических конструкциях осуществляется персонификация; как достигается семантическая сочетаемость в подобных непривычных семантических конструкциях; какова роль контекста и ситуации при персонификация и мн. др. частные вопросы. Решение указанных вопросов в определённой мере должно способствовать адекватному пониманию персонификации и более глубокому проникновению в лингвистическую природу стилистических приёмов. Актуальность проблемы возрастает с развитием таких отраслей языкознания, как семантический синтаксис, теория номинации и др.

Грамматическая категория антропонимичность /неантропонимичность, с которой тесно связана персонификация, у существительных французского языка является «скрытой, т.е. она близка к функционально-семантическим» (18,126).

Семантический подход к проблеме, в первую очередь, требует установления семантических классов существительных. Установление семантических классов существительных (всех полнозначных лексем) зависит от семного анализа их семантической структуры. Полученные таким образом результаты, с одной стороны, позволяет определить самоё персонификацию и персонифицирующиеся предметы (в широком смысле), и с другой-установить общую сему, лежащую в основе персонификации. Такой подход даст возможность проследить связывающие семантические элементы («классемы» или «синтагемы») в сочетаниях, где наблюдается персонификация.

Семантический анализ осуществляется оппозитивным методом и методом компонентного анализа, тогда как при разграничении персонификации субъекта предложение и так называемого анимизма используется метод трансформационного анализа. Использование этих трех методов объясняется тем, что каждый из них отвечает своей цели и достигает её наилучшим образом (83, 285). Кроме этого, для подтверждения полученных результатов в работе используется статистический метод, результаты которого выполняет иллюстративную функцию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азнаурова Э.С. Стилистический аспект номинации словом как единицей речи. – В кн.: Языковая номинация. – Виды наименований. – М.:Наука, 1977, с.86-128.
2. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций. В кн.: Языковая номинация. – Общие вопросы. -М.: Наука. 1977, с.230-293.
3. Анарбоева, И. О. (2024). ФРАНЦУЗ ВА ЎЗБЕК ТИЛЛАРИДА КОРРЕФЕРЕНТ ГАПЛАРНИНГ СТРУКТУРАЛ-СЕМАНТИК ВА ФУНКЦИОНАЛ ЖИХАТЛАРИ. International Journal of Education, Social Science & Humanities, 12(4), 692-697.
4. Oripovna, A. I. (2024). THE PROCESS OF METAPHORIZATION IN DIFFERENT SYSTEMIC LANGUAGES. Ethiopian International Journal of Multidisciplinary Research, 11(09), 39-40.
5. АНОРБОЕВА, И. ТАКРОРИЙ НОМИНАЦИЯ-НУТҚ ИЗЧИЛЛИГИ ИФОДА ВОСИТАСИ СИФАТИДА. ILMIY ХАВАРНОМА. НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК Учредители: Андижанский государственный университет им. ЗМ Бабура, (3), 84-87.
6. Ориповна, АИ, Аширбековна, РГ, Абдурауповна, КС, Дехконовна, ТМ, и Нусратуллаевна, АН (2024). Лингвистические основы семантической аналогии во французском и узбекском языках. Library Progress International , 44 (3), 3543-3572.
7. Мамадалиев,А. (2023). ПЕРСОНИФИКАЦИЯ И АНИМАЛИЗАЦИЯ. IMRAS, 6(7), 87-90.
8. Мамадалиев, А. (2023, October). АНИМИЗМ И ПРЕДМЕТНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.In INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCES WITH HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS (Vol. 1, No. 05.10, pp. 398-401).